

Story

«НАСТОЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ».
— АФИША

ПО КНИГЕ
СНЯТ ФИЛЬМ
NETFLIX

«НАСЫЩЕННЫЙ, ТРАГИЧНЫЙ...
МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ».
— WASHINGTON POST

«ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ О РАССЛЕДОВАНИИ
РЕАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ».
— THE TIME

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕВУШКИ

НЕРАСКРЫТАЯ ТАЙНА

СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

РОБЕРТ КОЛКЕР

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЧТО-ТО НЕ ТАК С ГЭЛВИНАМИ»

18+

NEW YORK TIMES BESTSELLER

Criminal Story. Психология преступления

Роберт Колкер

**Исчезнувшие девушки.
Нераскрытая тайна
серийного убийцы**

«ЭКСМО»

2013

УДК 316.6
ББК 88.5

Колкер Р.

Исчезнувшие девушки. Нераскрытая тайна серийного убийцы /
Р. Колкер — «Эксмо», 2013 — (Criminal Story. Психология
преступления)

ISBN 978-5-04-186060-8

Поздним весенним вечером Шэннан Гилберт приехала в Лонг-Айленд и пропала. Никто не придавал этому значения; ведь все прекрасно знали, что она предоставляет эскорт-услуги по объявлению; а следовательно, может быть вовлечена в любые темные дела. Полиция тоже не приложила достаточных усилий к ее поискам; пока семь месяцев спустя у шоссе не были найдены тела четырех девушек. Шэннан среди них не оказалось. Что связывало этих девушек? Был ли у них шанс спастись? Что скрывали жители Лонг-Айленда? В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-04-186060-8

© Колкер Р., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Книга первая	9
I.	9
Морин	10
Мелисса	14
Шэннан	19
Меган	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Роберт Колкер
Исчезнувшие девушки. Нераскрытая
тайна серийного убийцы

Copyright © 2013 by Robert Kolker. All rights reserved.

© Богданов С.М., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Кирстен

От автора

«Пропавшие девушки» – это подлинные истории пяти женщин, которые стали жертвами неизвестного серийного убийцы (или убийц). Расследование этих преступлений ведется на острове Лонг-Айленд с 1996 года и по сей день остается незавершенным. В основу этой книги легли несколько сотен часов разговоров с друзьями, родными, соседями и знакомыми погибших, а также сотрудниками правоохранительных органов. Ничто в этой книге не является объектом авторского вымысла. Описания всех событий и диалогов, непосредственным свидетелем которых я не был, основаны на рассказах их участников и ранее опубликованных материалах. Из соображений сохранения неприкосновенности частной жизни были изменены имена некоторых детей, а четверо взрослых фигурируют под псевдонимами Блейк, Джун, Тереза и Джордан.

Пролог

Для большинства путешественников барьерные острова Лонг-Айленда между Джонс-Бич и островом Файр не представляют ровным счетом никакого интереса. Это длинная полоса зарослей кустарника, дюн и болот, омываемая с одной стороны мутноватыми от водорослей водами залива Саут-Ойстер, а с другой – волнами Атлантического океана. Главной транспортной артерией островов является шоссе Оушен-Паркуэй. Прямое, как стрела, по ночам оно обычно пустует. В кромешной тьме водителям видны лишь прибрежные болота и густые заросли кустов колючки по обочинам. В остальном это пятнадцатимильное¹ ночное путешествие смахивает на езду в туннеле.

Теплой весенней ночью сидевший за рулем своего черного внедорожника Майкл Пак развернулся у изящного каменного шпилья в Джонс-Бич, выехал на противоположную полосу Оушен-Паркуэй и быстро направился по прямой на восток. Миновав некогда служивший меккой серферов пляж Гилго и не доехав пары миль до поворота на остров Файр, он свернул на неосвещенную безымянную боковую дорогу. Указатель перед съездом с трассы гласил «Оук-Бич». На заднем сиденье сидела молодая шатенка. Звали ее Шэннан Гилберт.

Машина медленно ехала по неосвещенной узкой дороге среди зарослей дикого винограда, сумаха и плюща. Влажный воздух был пропитан морской солью, урчание мотора тонуло в стрекоте насекомых.

Через полмили Майкл притормозил у белой сторожки, украшенной деревянным макетом маяка. Стоявший неподалеку щит гласил: «Пляжная ассоциация Оук-Айленда. Основана в 1896 году». В глубине виднелись огни дома. Рядом с закрытыми воротами – щиток с клавиатурой, но ни Майкл, ни Шэннан не знали кода. Майкл набрал на своем сотовом какой-то номер, и через минуту с другой стороны ворот появился белый внедорожник. Из него вышел мужчина среднего возраста с брюшком и нечесаными темными волосами на голове. Сделав приветственный жест рукой, он набрал код, с улыбкой поглядывая на гостей. Ворота открылись, и обе машины двинулись в сторону освещенного здания.

Гас Колетти решил лечь пораньше: завтра они с женой хотели съездить в Нью-Йорк на автомобильную выставку. Внезапно он услышал громкий стук во входную дверь дома. Открыв, он увидел на пороге темноволосую девушку. В руках у нее был сотовый телефон.

Девушка истерически кричала. Единственное слово, которое Гас мог разобрать, – «помогите». Но стоило ему сказать, что он вызовет полицию, как девушка бросилась наутек.

Гас стоял на крыльце и смотрел, как девушка стучится в двери других домов, а потом укрывается за небольшой лодкой прямо у его дома. Через несколько секунд двор осветили фары подъехавшего внедорожника. Когда машина остановилась, Гас рассмотрел водителя: это молодой мужчина азиатской внешности.

Хозяин дома спустился с крыльца, чтобы поговорить с водителем. Воспользовавшись тем, что человека за рулем отвлекли, девушка выскочила из своего укрытия, перебежала освещенную светом фар дорогу и убежала прочь.

Дом Гаса стоит всего в нескольких десятках метров от КПП поселка Оук-Бич. В вечерних сумерках девушка прекрасно видела въездные ворота и калитку в поселок. Но она бросилась не к ним, а на другую улицу и начала барабанить в двери первого дома, который оказался у нее на пути. Безрезультатно. Живущая в соседнем коттедже Барбара Бреннан слышала шум и, выглянув в окно, окликнула девушку. Но та не отреагировала и поэтому Барбара не открыла дверь, но так же, как раньше это сделал Гас, позвонила по номеру 911. Между тем девушка уже скрылась из виду.

¹ 24,14 км (1 миля = 1,61 км). – Здесь и далее прим. пер.

Примерно через сорок пять минут после звонков Колетти и Бреннан полиция наконец-то приехала, но опрос жителей ни к чему не привел. Полицейские не смогли ни прояснить картину произошедшего, ни понять, что им нужно делать. К тому же и машина, и девушка исчезли.

Через семь месяцев, в трех милях от места исчезновения Шэннан Гилберт, в кустарнике на обочине магистрали у Гилго-Бич, в течение трех дней полицейские обнаружили трупы четырех неизвестных женщин. Детективы полагали, что одной из них окажется Шэннан. Но они ошибались. Как и Шэннан, все они были миниатюрными женщинами в возрасте за двадцать. Общим было и то, что все девушки были не местными и зарабатывали эскорт-услугами. И наконец, как и Шэннан, они рекламировали себя на *Craigslist*² и конкурирующей платформе *Backpage*³.

Поначалу могло показаться, что это – давно знакомая история, и вполне достаточно сказать, что это всего лишь шлюшки с *Craigslist*, не первые и не последние в своем роде. Этикие пропащие души, погибшие, можно считать, задолго до своего исчезновения. Но Шэннан, Морин, Мелисса, Меган и Эмбер были вовлечены в проституцию современного образца, в которой клиентов приманивают не на улицах, а кликом компьютерной мыши. Процесс выглядит соблазнительно простым: разместить пост, и через пару минут твой телефон начнет разрываться от звонков.

Каждая из этих девушек приняла решение заниматься сексом за деньги по разным причинам – кто-то жаждал признания, другие искали приключений, удачи, любви, поддержки. Но все они оказывались в местах, которые их близкие и вообразить себе не могли. Когда девушки пропадали, вопросами о том, что с ними случилось, задавались только их родные. Остальным, и даже полицейским, не было до этого дела.

Но все изменилось, когда были обнаружены трупы на пляже Гилго. Вот тогда-то полицейские наконец забежали, общественность заволновалась, а окрестные жители принялись искать виноватых. И тогда в этом захолустье, незаметном с пляжей и стоянок яхт, истории этих молодых женщин наконец-то сплелись воедино и стали частью одной страшной загадки.

² *Craigslist* – популярный в США сайт электронных объявлений.

³ *Backpage* – примерный аналог *Craigslist*, закрытый в 2018 году в связи с обвинениями в содействии проституции и отмыванию денег.

Книга первая

I.

Морин

«Привет, это Морин из фирмы Atlantic Security! Прямо сейчас у нас проходит акция – не вешайте трубку, я не хочу вам что-то навязать, – так вот, мы предлагаем вам целый месяц бесплатного пользования нашей системой домашней сигнализации. Поставим мы ее тоже бесплатно, и вам останется только оценить...»

Морин Брэйнард-Барнс была обаятельной и женственной, с фарфорово-белой кожей, копной темных волос и зелеными глазами, которые, словно по ее прихоти, могли казаться голубыми или серыми. С Сарой Карнз – пухленькой блондинкой с ямочкой на подбородке – они устроились на работу в колл-центр в один день и сразу же подружились: болтали друг с другом через разделяющую рабочие кабинки перегородку, получая за это нагоняи от босса, и вместе бегали на ланч в ближайшее кафе.

К тому же, как позже выяснилось, у Сары и Морин много общего. Обеим было по двадцать четыре года, и они даже учились в одной школе, правда, ни та, ни другая не помнили друг друга. Впрочем, Сара проучилась в ней очень недолго после перевода из католической школы, откуда ее исключили за мелкий розыгрыш. А Морин, которая тоже не отличалась примерным поведением, бросила школу в шестнадцать лет из-за беременности и родов и так и не вернулась обратно. Сейчас у нее было двое детей от разных мужчин. Эта работа подвернулась ей очень вовремя: съемную квартиру ей оплачивал отец ее сына, но Морин не нравилась такая зависимость от своего бывшего. Она жаловалась Саре на соседа, которому, как она поняла, было велено присматривать за ее поведением. И это тоже показалось Саре очень похожим на ее положение. Обе они были немного легкомысленными и им совсем не нравилось, когда их пытались приструнить.

При всей своей шаткости, положение Морин выглядело куда лучше, чем у Сары. Та с приятелем жила в гостинице, на оплату которой уходили практически все деньги, которые она получала в Atlantic Security. Когда не было денег на еду, они ходили по бесплатным столовкам для бездомных и благотворительным котлопунктам. Однако ж у Сары было кое-что, чего не было у Морин: автомобиль. Она ездила на подаренном матерью бледно-голубом «Крайслере» 1993 года выпуска. На двери со стороны водителя было нацарапано «шлюха» – послание Саре от обозленной бывшей ее приятеля. Морин находила это забавным. Собственно, как и Сара.

Спустя недолгое время после знакомства Морин попросила Сару подвезти ее после работы домой на своем шлюхомобиле. Та согласилась. Так Морин обзавелась средством передвижения на каждый вечер.

Впрочем, продолжалось это недолго. Вскоре после новогодних каникул уволили Сару, а примерно через месяц – Морин. Но они продолжали общаться. Сара пошла работать в McDonald's, но ее заработка там не хватало на оплату гостиничного номера. Ее приятель переехал жить к своей тетке, а она сама съехала со своим начальником в McDonald's и его подружкой. Еще совсем немного, и Сара превратилась бы в бомжиху.

И тут появилась Морин с предложением. «Мне нужен водитель. Одному парню понадобился массаж», – сказала она. «А массажистка – это ты, что ли?» – спросила Сара. «Ага», – Морин загадочно улыбнулась.

Если вы съедете с федеральной трассы 95 в Коннектикуте на указателе Лонг Хилл-роуд и поедете к югу в сторону центра Гротона, то неподалеку от офиса Atlantic Security обнаружите все места, где недолгое время работала Морин Брэйнард-Барнс. Все они до сих пор существуют. Вот закусочная, рядом с ней – универмаг не самого высокого уровня, на соседней улице – магазин автозапчастей, а напротив – супермаркет для среднего класса. На этой автозаправке она торговала жареными курами, а в том кинотеатре после сеансов собирала с пола объедки и мусор, получая за это бесплатный билет и мешок попкорна.

Каждый день мать Морин, Мари Дюшарм, проделывала пешком двухмильный путь до мотеля, в котором работала уборщицей. Отец – Боб Сенекал – был покладистый, но несколько незрелый мужчина, воспринимавший жизнь не слишком серьезно. Так же он относился и к своему долгу отца семейства: жил с женой и детьми лишь изредка, большую часть времени проводя на лесопилке. Боб ценил уединение и любил долгие прогулки, во время которых имел возможность поразмышлять. Одна из таких прогулок в итоге стоила ему жизни. Когда Морин был двадцать один год, Боб поздним вечером шел по железнодорожной эстакаде, споткнулся, упал в неглубокий водоем и захлебнулся.

Вскоре мать Морин, которая теперь одна была вынуждена заботиться о семье, устроилась администратором в зал игровых автоматов, а в свободное время убирала офисы. С этого момента она практически не бывала дома. Дети – Морин и ее младшие сестра и брат Мисси и Уилл, предоставленные сами себе, собирали ягоды в ближайшем лесу, нарушали запрет на хождение по железнодорожным путям и убегали от полицейских, если их замечали. Иногда по вечерам Морин тайно выводила Мисси и Уилла в бильярдную поиграть и выпить или вытаскивала их попинать старый мяч на большом футбольном поле рядом с домом. В теплую погоду они забирались на крышу сарая и просто сидели там, любуясь вечерним небом.

В то время как брат с сестрой увлекались спортом, Морин интересовалась эзотерикой, развитием паранормальных способностей человека. Так, она запоминала свои сны и записывала их в специальный блокнотик. На страничке в *MySpace*⁴ она рассказывала о моментах, когда предчувствовала, что что-то должно случиться – например, смерть бабушки или самоподжог подруги зажигалкой. Ей казалось, что она принадлежит к числу посвященных, которые видят такое, что не дано всем остальным. Какое-то время она увлекалась Откровением Иоанна Богослова. Затем ее священными текстами стали «Код Да Винчи» и все, что касалось тайных обществ и глобального заговора. За этим последовал жгучий интерес ко всему сверхъестественному. Морин была убеждена, что ответы на большинство загадок бытия доступны любому, кто захочет их постичь. Она рассказывала Мисси и Уиллу о том, что узнала, прочитывала целые лекции и прямо у них на глазах находила новые связи между хорошо известными явлениями. Порой ей удавалось убедить и их тоже.

Была бы ее воля, она бы читала целыми днями. Но все изменилось, когда наступила пора полового созревания. У матери Морин не было возможности покупать дочери косметику и модную одежду, зато годам к тринадцати у девочки созрели вполне женственные формы. А к моменту перехода в старшие классы она наслаждалась всеобщим вниманием. Былые меланхоличность и замкнутость пропали, теперь она была импульсивной и яркой. По рассказам друзей, заходя в любое помещение, она старалась обратить на себя внимание мальчиков и полностью игнорировала девочек, чем вызывала их ярость. Она стала прогуливать школу, что было причиной их скандалов с матерью. А окончательно Морин бросила школу в шестнадцать, когда узнала, что беременна.

С отцом ребенка, Джейсоном Брэйнардом-Барнсом, они были знакомы всего полгода, но любили друг друга. После рождения дочери Кейтлин они поженились и переехали к бабушке и дедушке Джейсона в Потакет, а потом на юг страны, где он служил в армии. Но семейная жизнь не складывалась, и вскоре после возвращения в Гротон Морин с мужем расстались.

Она переехала к своей сестре Мисси, которая вместе с детьми жила в гротонском квартале Брэнфорд Манор.

На своей самой перспективной работе крупье в казино Foxwoods Морин не продержалась и года – ее уволили, когда она начала слишком часто отпрашиваться по болезни. Доставка пиццы или работа на кассе в супермаркете казались ей скучными занятиями. Все чаще и чаще

⁴ *MySpace* – американская социальная сеть, запущенная в 2003 году. В 2005–2009 гг. была крупнейшей в мире по количеству пользователей.

она оставляла дочь заботам Мисси на время своего отсутствия. Порой терпение Мисси лопалось, и она закатывала старшей сестре скандалы.

Тем не менее сейчас Мисси думает о тех временах как о семейной идиллии. Она со слезами на глазах вспоминает, как Морин читает вслух Кейтлин и детям Мисси детские книжки. Как наряжает кукол, которые покупает на последние деньги. Или о том, как они все отправляются в парк поесть сэндвичей и посидеть на свежем воздухе. Разгуливая по заднему дворику босиком и в сарафане, широко улыбающаяся Морин выглядела как никогда счастливой.

Однако устроенной жизнь Морин назвать было нельзя. Ей был 21 год, на руках – четырехлетняя дочь, но нет ни постоянной работы, ни собственной крыши над головой. Возможно, кто-то другой на ее месте примирился бы со сложившимися обстоятельствами, но не Морин. Для нее жизнь только начиналась, и все шансы совершить прорыв были впереди. Кто знает, где ее ждет удача? Может быть, она будет читать рэп, а может, станет моделью. Планы постоянно менялись. Что-что, а план у Морин был всегда.

Как-то она заглянула к своему приятелю Джею ДиБрюлю и буквально с порога воскликнула: «Смотри, какая у меня была фотосессия!»

Джей познакомился с Морин на местной радиостанции, где он работал продюсером вне-студийных передач. Морин вышла к нему на работу в качестве стажера, но предложение нарядиться слонем пришлось ей не по душе, и она ушла, не доработав до конца смены. Несмотря на это, они продолжали общаться и даже время от времени оказывались в одной постели. Впрочем, особого значения они этому не придавали. Лучше оставаться друзьями, чем в один прекрасный день оказаться бывшими любовниками. Куда важнее для них обоих было то, что им было интересно друг с другом. Они могли говорить о чем угодно, смотреть вместе видео или сочинять рэп.

Морин все чаще заговаривала о том, чтобы писать для рэперов, а еще лучше исполнять рэп самой – стать кем-то вроде Lil'Kim⁵, только круче. Если Lil'Kim нарочито развязно писала о деньгах и сексе, то тексты Морин были наполнены переживаниями за жизнь молодых людей.

Вокруг слишком много людей с пластиковыми лицами.

Слишком много детей тусуются там, где не надо.

Слишком много копов контролируют черные кварталы.

Слишком много драк заканчиваются стрельбой.

Слишком много девочек сворачивают на скользкую дорожку.

Еще не поздно понять, что к чему.

Джей считал, что она – настоящий поэт. Так же считала и Мисси. Но Морин было уже двадцать два, а ее музыка не привлекла того внимания, на которое она рассчитывала. Эти фото были решением проблемы, своего рода трамплином. Пользуясь *MySpace* для продвижения своей музыки и общения с другими рэперами, Морин обратила внимание на рекламные объявления о поиске моделей. Она связалась с агентством, и ей предложили прислать портфолио, с которым могли бы работать агенты. И вот Морин нашла знакомого, который согласился сфотографировать ее бесплатно при условии, что негативы останутся у него. Фото, которые она показала Джею в тот вечер, не были пикантными – просто светящаяся улыбкой Морин в разной одежде. Самой фривольной из них была красная ночнушка, которую разве что с большой натяжкой можно было посчитать нижним бельем. Джей решил, что она смотрится восхитительно.

Морин так загорелась новым шансом, который представился ей, что была готова на любые предложения – съемки для каталогов, журналов, видеоклипов. После регистрации на сайте она стала получать десятки электронных писем от якобы модельных агентств, которые на самом деле оказывались предложениями о съемках в обнаженном виде, а порой и о работе в

⁵ Lil'Kim (Кимберли Дениз Джонс) – известная американская хип-хоп-исполнительница, актриса и модель.

эскорт-услугах. Впрочем, все это не слишком удивило Морин. Больше она удивилась деньгам, которые за это платили. Пройдя по некоторым ссылкам, она увидела, что эскорт на самом деле похож на раздевание на веб-камеру, только вживую, и не подразумевает секса с клиентом. Из этого без особого труда можно было догадаться, сколько денег можно заработать, если еще и заниматься сексом. Насколько она могла понять, единственной серьезной проблемой была обязанность заключить контракт с эскорт-сервисом. А Морин вовсе не хотелось отдавать часть заработка или считаться сотрудницей – по сути, это означало бы заменить одну форму зависимости на другую.

Существовал другой способ получать аналогичные деньги, но совершенно самостоятельно. На одном из сайтов Морин обнаружила несколько объявлений от женщин из Гротона: они зарабатывали на жизнь, не выходя из дома. При этом им не нужно было делиться деньгами с кем-то еще – сутенером, компанией или сожителем.

Мелисса

Посещение салона красоты при школе стилистов без предварительной записи обходилось примерно в восемь раз дешевле обычного. Поэтому все как одна чернокожие клиентки молча принимали то, что их волосами будет заниматься белая девушка.

Клиентка начинала молиться губами, а Мелисса Бартелми принималась за работу – улыбающаяся, уверенная в себе, невероятно спокойная для практикантки, которой доверили заниматься доселе неизвестными ей кудрями.

Сначала она расчесывала волосы и, сделав аккуратный пробор, прихватывала очень маленькую прядь как можно ближе к линии роста волос. Она натягивала ее так туго, что чуть не доводила женщин до истерики. Используя руку как вилку, она делила эту крошечную прядь на три одинаковые прядки, которые держала между средним и указательным пальцами. Затем следовал перехлест крайней пряди слева направо и наконец зажим. Перехлест не имеет смысла без последующего зажима – захвата оставшихся внизу свободных волос и перетаскивания их в косу. Именно удержание нижней пряди, за которой следовал еще один перехлест, было каждый раз так трудно запомнить и еще труднее сделать правильно, без необходимости начинать все сначала. *Плетение, зажим и перехлест, плетение, зажим и перехлест, плетение, зажим и перехлест.* Мелисса никогда не сбивалась.

Плетение афрокосичек было для Мелиссы не просто увлечением; это занятие доставляло ей огромное удовольствие. Она годами практиковалась на подругах и одноклассниках. Но чаще всех моделью была ее сводная сестра Аманда. Она была на девять лет моложе Мелиссы; ее отец, в отличие от отца Мелиссы, был афроамериканцем. Бесчисленное количество раз по вечерам Аманда визжала, пока Мелисса дергала, тянула, заплетала и зажимала ее волосы, экспериментируя с разными прическами.

При этом Аманда наверняка предпочла бы иметь волосы как у белых. Она и одежду-то себе покупала в магазинах, в которых одевалась белая молодежь. Между тем Мелисса поступала ровно наоборот: завивала себе жесткие косички, слушала исключительно хип-хоп и встречалась практически только с чернокожими парнями. Порой их матери Линн казалось, что ее дочери появились на свет в чужих телах. В глубине души Аманде хотелось быть белой. А Мелисса с детства недоумевала, почему она родилась не чернокожей.

Линн Бартелми все было понятно еще до того, как она купила тест на беременность. Узнав о том, что скоро станет отцом, гордый собой Марк предложил пожениться. Но потенциальная невеста расстроилась еще больше – это было сейчас так не вовремя.

Линн было только шестнадцать, и она училась на втором курсе профессиональной средней школы имени Сенеки в городе Буффало. Капитан школьной легкоатлетической команды Марк был на два года старше. Они встречались уже около года.

Линн обдумала идею выйти замуж за Марка и поняла, что ничего путного из этого не выйдет. Марк был таким безропотным. Его жизнь направляли родители, а все остатки свободы воли он уступал Линн. Проживать свою жизнь в таком режиме ей совершенно не хотелось. Но и об аборте было страшно думать. Да и Марк был против. Мысль о том, чтобы отдать младенца, тоже не укладывалась у Линн в голове. Стоило ей представить это, как на глаза наворачивались слезы.

На протяжении двух месяцев Линн сохраняла свою беременность в тайне. В конце концов в октябре она обо всем рассказала матери. Для той это был шок, ведь Линн всегда была такой тихой и послушной. Но впереди было самое трудное: рассказать отцу, что он скоро станет дедом. Услышав новость, он пробил кулаком дыру в двери ванной. Несколько месяцев они не разговаривали. В это же время Линн пришлось принять еще одно важное решение. Бабушка подарила ей обручальные кольца на случай, если они все же пригодятся. Но отдавая внучке бархатную коробочку, бабушка посмотрела ей в глаза, вздохнула и сказала: «Я знаю, дорогая, что у тебя сейчас на душе. Ты растеряна и не знаешь, как поступить. Но послушай свою старушку: не выходи замуж только потому что забеременела. В таком деле важно только одно: любовь. Убедись, что ты действительно любишь Марка». Когда Линда все же решила принять предложение, бабушка попросила не торопиться и просто пожить вместе пару месяцев.

Так Марк переехал к Линн и ее родителям, и спустя совсем немного Линн поняла, каков он на самом деле. Он не носил ее на руках, а постоянно стоял над душой. Если она вставала с дивана, чтобы сходить в туалет, Марк говорил: «Куда ты идешь?» Если она отвечала на теле-

фонный звонок, ему нужно было знать, кто ей звонит. И вот примерно на седьмом месяце беременности она сказала ему, что свадьбы не будет.

Родители настаивали на том, что дочери нужно стать самостоятельной. «Тебе нужно будет обязательно найти работу», – говорила ей мать. «И оплачивать ясли ты будешь сама», – настаивал отец. Линн со всем соглашалась.

Между тем как жизнь ее была совсем не простой. Она продолжала ходить в школу, и, когда проходила по коридорам, мальчики отпускали сальности по поводу ее живота. В ответ она лезла в драку. Когда преподавательница школы конфирмантов⁶ заговорила об абортах и вперила в нее взгляд, Линн вышла из класса и сказала матери, что этой суке еще повезло, что она не дала ей в морду. Весной, когда Линн привезли рожать в католическую больницу и монашка в палате попробовала утешить ее в страданиях, Линн в гневе проорала ей: «Заткнись! У тебя наверняка и секса-то сроду не было!»

Линн родила девочку, а ее упрямую головку пришлось вытягивать наружу щипцами. За несколько недель до этого ее бабушка умерла, и в память о ней Линн назвала свою дочурку Мелисса Мэри.

Через полтора месяца после появления Мелиссы на свет Линн вернулась в школу. А еще через три месяца она вышла на работу посудомойкой. Тогда она еще не знала, что следующие двадцать пять лет своей жизни она будет работать здесь – в доме престарелых Манхэттен Манор.

Ее родители согласились помогать с ребенком. Большую часть своего детства Мелисса провела в их небольшом двухэтажном доме. Когда-то Кенсингтон-Бэйли был довольно уютным и дружелюбным районом, в котором мирно уживались белые и афроамериканцы. Но за то время, пока росла Мелисса, оттуда исчезли кафе-мороженое и кондитерская на углу, а вместе с ними и большая аптека. Пиццерия и кинотеатр были уничтожены пожарами. Преступность возрастала, люди уезжали, а новые чернокожие соседи наводили ужас на некоторых пожилых белых. Дед Мелиссы полагал, что все дело в работе, которой просто не стало. В городе закрылись многие предприятия, и бывшие их работники уезжали в поисках лучшей доли. А в их дома вселялись те, кто не мог или не хотел искать работу.

Линн была слишком занята, чтобы обращать серьезное внимание на то, куда ходит Мелисса и с кем она дружит. И поскольку отвечать Мелиссе было не перед кем, ей оставалось контролировать себя самой – или не контролировать, когда не хотелось. В школе она считалась умницей и имела кучу друзей, как некогда и Линн. Несмотря на ангельскую внешность, она могла заставить замолчать любого здоровяка, который не так на нее посмотрел. И в этом она, по общему мнению, тоже походила на Линн. Мать была даже рада такой боевитости дочери. Линн установила для Мелиссы единственное правило – никогда не бить первой.

Через несколько лет Линн познакомилась с Андре Фендербергом, он был чернокожим. Линн родила от него Аманду – младшую сестру Мелиссы. Андре перепробовал кучу разных занятий, от медбрата до телемаркетера. Андре хорошо ладил с Мелиссой и некоторое время все четверо жили вместе. Но Андре изменил Линн, и она вернулась жить к родителям, теперь уже с двумя дочками.

Повзрослевшая Мелисса, в которой Линн во многом узнавала себя, стала поступать так, как никогда не позволяла себе ее мать, – уходила по вечерам, зависала до поздней ночи с друзьями и на следующий день прогуливала школу. А познакомившись с одним из друзей Мелиссы, Линн окончательно запаниковала. Джордан был высоким и тощим как жердь парнем с черной как смоль кожей. Казалось бы, это не проблема – ее младшая дочь была темнокожей,

⁶ Школа конфирмантов – школа при церкви, готовящая юношей и девушек к принятию конфирмации – процедуре общения подростка к церкви. Предшествует таинству достаточно длительная подготовка, в ходе которой подросток учит молитвы, псалмы, фрагменты евангельских текстов.

ее отец тоже, да и весь район был сейчас заселен преимущественно афроамериканцами. Но Линн все равно встревожилась. «Джордан выглядит как бандит. Он приторговывает наркотиками, и я бы не хотела, чтобы ты имела к этому хоть какое-то отношение», – выговаривала она Мелиссе.

Идеи у Линн иссякли, а теперь ей казалось, что и ее время на исходе. Она упорно трудилась, чтобы получить аттестат о среднем образовании даже с младенцем в доме, а ее дочь, похоже, вообще не парится по поводу посещения школы. Мелиссе было почти шестнадцать, когда Линн решилась на отчаянную попытку: она позвонила ее отцу, Марку, который теперь жил в Далласе. Марк согласился принять дочь.

Воссоединение с самого начала не задалось. То ли жена Марка пыталась стать Мелиссе матерью, а та сопротивлялась. А может, это Марк не понимал, что ему делать с подростковой девочкой. Впрочем, не только с новой семьей отца она не могла наладить отношения. Прожив в Техасе два с половиной года, Мелисса наконец доигралась. Не имея водительских прав, она взяла покататься отцовский служебный минивэн. Миниатюрную Мелиссу – при своем полтораметровом росте она весила 44 килограмма – остановили полицейские, подумавшие, что за рулем ребенок. Мелиссу приговорили к исправительным работам, ее отец получил штраф и вскоре после этого выдал дочери авиабилет в родной город в качестве рождественского подарка. Предполагалось, что она просто навестит родных. Правда, Марк не сказал дочери, что ее не ждут обратно, предоставив сделать это Линн.

Мелисса была рада вернуться, но очень скоро поняла, как тут все изменилось за время ее отсутствия. Дед с бабушкой продали дом в Кенсингтон-Бэйли и переехали в Олден – предместье Буффало. По сути дела, это была сельская местность, совершенно другой мир по сравнению с Кенсингтон-Бэйли. Вместе с ними жили и Линн с Амандой. Для Мелиссы Олден стал практически повторением Далласа. «Здесь же такая *тоска!*» – стенала она. Новая школа не изменила ее мнения.

За год до выпуска Мелисса объявила, что съезжает. Последовал скандал, но рычагов воздействия у Линн было очень немного. Мелиссе было почти восемнадцать, а Линде приходилось думать и об Аманде тоже. Мало-помалу Линн стала успокаиваться. Ее сестра Дон жила в той же части Южного Буффало, куда хотела переехать Мелисса. Они были близки по возрасту и постепенно становились подругами. Может быть, Мелисса получит то, что хочет, но при этом будет под присмотром семьи. Но все равно Линн волновалась за дочь. Она была уверена, что Мелисса так и не окончит школу. «Без аттестата ты не устроишься на работу», – говорила она.

Но Мелиссе удалось удивить мать. Она нашла жилье и платила за него сама. По вечерам она работала в пиццерии, а утром шла в школу. Похоже, она была довольна жизнью и строила планы на будущее. Девушка прикидывала, во что ей обойдется собственная квартира, сколько она должна будет зарабатывать и сколько откладывать.

Ко всеобщему удивлению, Мелисса окончила школу с отличием. У Линн будто гора с плеч упала – ее дочь вернулась на правильный путь и станет человеком. Мелисса поступила в школу стилистов и подумывала о возможности завести собственное дело – по примеру нового бойфренда Линн Джеффа Мартино. Он только что открыл дайнер⁷ неподалеку от школы стилистов. Мелисса ушла из пиццерии и теперь после занятий подрабатывала в заведении Джеффа.

Мелисса делилась с матерью планами, во что ей обойдется собственный салон красоты. Однажды она сказала, что понимает, насколько тяжело приходилось Линн в качестве работающей матери-одиночки и что это оказало на нее сильное влияние. Поэтому Мелисса решила не выходить замуж и не обзаводиться детьми лет до тридцати пяти, пока не встанет на ноги. Дочь знала, что матери пришлось насмотреться всякого в доме престарелых, и она не хочет, чтобы

⁷ Дайнер (от *англ.* diner) – заведение быстрого обслуживания, которое работает круглосуточно и предлагает гостям простые блюда: бургеры, мак-энд-чиз, вафли и молочные коктейли.

Линн закончила свои дни в одном из них. «Я хочу заботиться о тебе и давать тебе то, чего у тебя никогда не было. Хочу заходить в магазин и не париться по поводу ценников. Покупать то, что мне понравится», – сказала Мелисса.

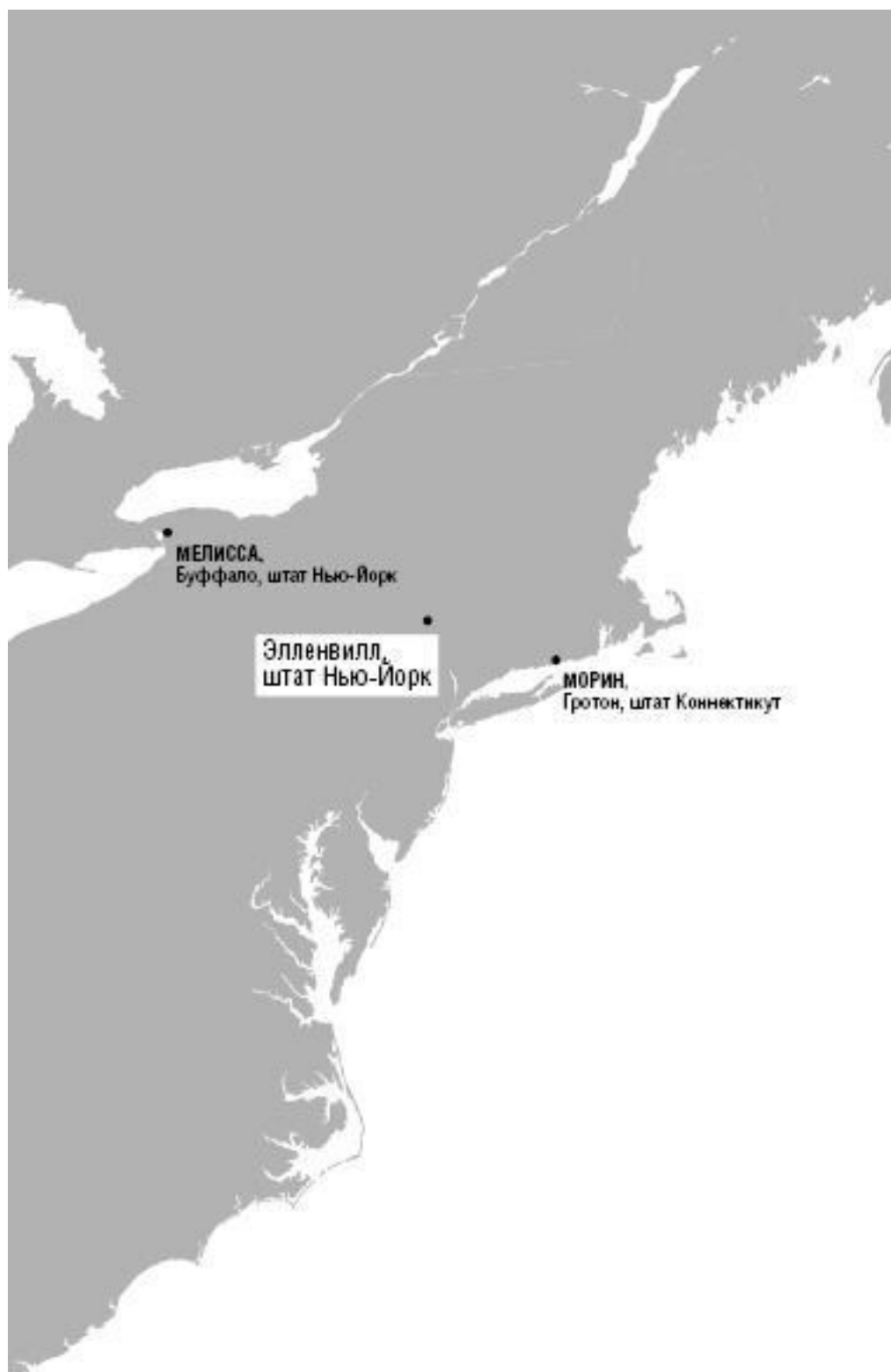
Но пока эти планы выглядели как недостижимая мечта. После окончания школы стилистов лучшим вариантом из всех предложенных оказалась работа в *Supercuts*⁸. Ее клиенты считали каждую копейку и слушать не хотели о том, чтобы как-то изменить свою привычную стрижку. Мелисса скучала и пыталась развлечь себя окраской и французскими косичками, но ее терпение иссякало. Кроме того, дорога до дома занимала около двух часов.

Она снова сошлась с Джорданом и разозлилась на Джеффа и Линн, когда они неодобрительно отнеслись к этому известию. «Мы не хотим, чтобы ты встречалась с этим черножопым!» – проорал Джефф вслед уходившей Мелиссе. Даже отец Аманды – Андре изо всех сил старался предостеречь Мелиссу: «Ты для него всего лишь симпатичная белая девочка, которой можно попользоваться». В ответ Мелисса лишь улыбалась и говорила: «Зато он ко мне хорошо относится».

Через месяц Мелисса и Джордан вместе съездили в Нью-Йорк. «У дяди Джордана там своя студия звукозаписи», – сказала Мелисса Линн и Джеффу. Спустя несколько дней они вновь отправились туда и провели в Нью-Йорке несколько недель. По возвращении Мелисса сообщила родным, что они с Джорданом собираются туда переехать. «Я познакомилась с одним парнем, Джонни Терри», – сказала Мелисса. По ее словам, он предложил ей работу в барбершопе.

Линн пыталась отговаривать дочь, но все аргументы, что в Нью-Йорке дорогая аренда и у нее там не будет поддержки семьи, на Мелиссу не действовали. «У меня все под контролем. Этот парень уже подготовил для меня место», – заявила Мелисса.

⁸ *Supercuts* – американская сеть бюджетных мужских и женских парикмахерских.

Шэннан

В восьмом классе Шэннан Гилберт вышла на сцену в школьной постановке мюзикла «Энни»⁹. Она надеялась сыграть героиню, ведь последние шесть лет она в какой-то степени

⁹ «Энни» – популярный американский мюзикл о девочке-сиротке, впервые поставлен в 1977 г., экранизирован в 1982 г.

осваивала эту роль, меняя приемные семьи. Поэтому она страшно огорчилась, когда ей сказали, что для этой роли она великовата ростом. Тем не менее учителя обратили внимание на ее прекрасный голос, не говоря уже о миловидном круглом личике с огромными глазами с поволокой. Она получила роль мисс Хэнниган – пьющей и коварной хозяйки сиротского дома.

Очень скоро Шэннан поняла, что это более выигрышная роль – единственный действительно смешной взрослый персонаж с легким намеком на сексуальность. И она идеально подходит для тщеславного подростка. На репетициях Шэннан изрядно помотала себе нервы, но на премьере она просто блистала. В сольном номере мисс Хэнниган «Маленькие девочки» Шэннан со злобным весельем рассуждала о том, насколько ее персонажу мешают жить Энни и остальные сироты:

*Эти щечки, эти зубки,
Все вокруг такое маленькое...
Если я сверну эти шейки,
Суд меня наверняка оправдает...*

Шэннан никогда не выступала перед такой большой аудиторией, и аплодисменты глубоко впечатлили ее. Но в зале был человек, который значил для Шэннан больше всех остальных. Почти всю свою жизнь она боролась за внимание этой женщины. Когда в тот вечер на сцене мисс Хэнниган в исполнении Шэннан заставляла каждую из сироток присягать на верность словами «Я люблю вас!», любой, кто знал мать девочки – Мэри, без труда понял бы, кому адресовано это послание.

С тех пор Шэннан хотела заниматься только одним – играть на сцене.

Если посмотреть на городок Элленвилл в штате Нью-Йорк с высоты, он покажется застывшим во времени – пробивающийся сквозь кроны деревьев высокий шпиль церкви и намеки на уютную главную улицу, примостившиеся у подножия гряды Шавинганк в Катскильских горах. Когда в 1991 году туда приехала Мэри Гилберт со своими детьми, Элленвилл больше напоминал город-призрак с чудом сохранившимися в нем супермаркетом, парой банков и несколькими дешевыми лавочками. Из-за близости к тюрьме Элленвилл превратился в городок временного проживания: родственники заключенных приезжали сюда, снимали на несколько лет жилье и уезжали. А что до местных жителей, то добрая треть из них или сидят, или постоянно пребывают в состоянии наркотического дурмана.

У Мэри Гилберт были такие же ясные глаза, как у ее старшей дочери Шэннан. Вот только волосы у нее были длинные, светлые и вьющиеся, а голос хриплый и усталый. Она была старшей из пятерых детей семьи и выросла в Ланкастере, штат Пенсильвания. Отец Мэри работал на кирпичном заводе, а по выходным беспробудно пил. Мать была верующей женщиной и постоянно переходила из одной церкви в другую, не находя успокоения ни в одной. Если ответом матери на хаос жизни была религия, то у Мэри нашелся свой собственный. По ее мнению, жизнь была чередой сражений и ни один спаситель не в состоянии отменить того, что вот-вот произойдет следующая схватка. Своих дочерей она учила: «Если сболтнула что-то, готовься. Придется драться, потому что их либо выбесит сказанная тобой правда, либо то, что ты соврала. Так что надо следить за тем, что говоришь. Если не можешь защищаться сама, тебе надерут задницу. Но лучше быть готовой надрать задницу кому угодно».

Примерно за два года до появления в Элленвилле Мэри бросила мужа и вместе с тремя дочерьми уехала из родного города на севере штата Нью-Йорк. Шэннан было пять, Шерри четыре, а Саре три. Когда девочки подросли, Мэри рассказала им, что бросила мужа из-за его героиновой зависимости. Никто из девочек больше не увидел своего отца, но все они унаследовали его цвет лица карамельного оттенка.

Мэри была исполнена решимости вырастить дочерей в одиночку – без помощи родных, друзей и государства. «Мне не нужно, чтобы ко мне домой являлись с советами, указаниями и разговорами. Это мои дети, моя жизнь и мои проблемы».

Проблемы начались с появлением в их доме мужчины по имени Дэвид, который стал отцом Стиви – четвертой дочери Мэри. Средняя из сестер – Шерри – помнит дикие скандалы, которые начались сразу после появления Стиви на свет. Они с Шэннан укрывались под кухонным столом от тарелок со спагетти, вдребезги разбивавшихся о стены. Узнав о том, что творится в доме дочери, мать Мэри вызвала полицию. Дэвида посадили в тюрьму, а девочек распределили по приемным семьям. Мэри была взбешена тем, что ее мать привлекла государство. Почти два года она добивалась, чтобы ей вернули дочерей. И вот вскоре после воссоединения семья обосновалась в Элленвилле, надеясь начать все заново.

Мэри называла Элленвилл «очень маленьким городком, где слухов больше, чем жителей». Слухи о самой Мэри были не очень лестными. О ней говорили как о неприветливой, замотанной мамаше, которая не слишком внимательна к своим детям. Подруга детства Шэннан – Эрика Хилл – вспоминала, что мать девочки вообще не заботило, что там с дочерью. «Когда Шэннан пропадала из дома, не помню, чтобы кто-то хоть раз сказал: «Слушайте, а где у нас Шэннан?» И Мэри никогда не искала ее».

Возможно, Эрика не понимала этого как раз потому, что Шэннан не всегда жила дома. Вскоре после переезда в Элленвилл в возрасте около семи лет она поступила в систему патронажного воспитания и в следующие шесть лет жила в семейных приютах. И, судя по всему, это были вполне приличные места, которыми заправляли доброжелательные и заботливые женщины. Шэннан ходила в ту же школу, что и ее сестры, ела такую же еду, играла вместе с ними в бейсбол, но не жила с ними под одной крышей. Об этом в городе знали очень немногие, но те из знакомых, кто был в курсе, говорили, что Шэннан была глубоко огорчена. Не раз она сбегала *домой*, к Мэри, Шерри, Сарре и Стиви. Мэри никогда не говорила посторонним людям, почему Шэннан не могла жить дома. Только много лет спустя, после того как имя ее дочери стало известно практически всем американцам, Мэри сказала, что Шэннан была не только независимой и своевольной, но и психологически неустойчивой – «сплошные перепады настроения, сплошное переедание, сплошное «грешу и каюсь». В двенадцать лет у нее диагностировали биполярное расстройство, но она никогда не принимала прописанные ей лекарства, ссылаясь на их побочные эффекты.

По словам Мэри, патронажное воспитание было лучшим выходом для дочери, которую ей было трудно контролировать самой. Шэннан никак не могла определиться, чего она хочет больше: жить дома или в приемной семье. Поссорившись с матерью, она могла позвонить в органы опеки и попросить поместить ее в очередной приют. И так же легко передумать. Воистину хорошо там, где нас нет.

В устах других людей эта история выглядит иначе. Шэннан говорила друзьям, что ее мать больше интересовали мужчины, чем собственные дети. А Шерри была более конкретна: удаление старшей сестры из семьи было связано с неким бойфрендом матери, который въехал к ним в дом, когда Шэннан было семь. По словам Шерри, Шэннан и этот мужчина не ладили и сестру выгнали из дома из-за него. Но это, кстати, избавило Шэннан от дальнейших контактов с бойфрендом, который, по словам Шерри, не только конфликтовал с сестрами, но и бил их. Шерри сказала, что Мэри не замечала подобного и узнала о фактах насилия, только когда дочери рассказали ей об этом несколькими годами позже. Мэри поддержала выдвинутые девочками обвинения, и мужчина сел в тюрьму, где и умер через несколько лет.

Вполне возможно, что верны обе эти версии. Может быть, Шэннан и в самом деле конфликтовала с дружкой матери, а Мэри сочла себя неготовой к воспитанию такой дочки. Но если из описания Мэри следует, что Шэннан была умной, но трудной девочкой с кучей эмоциональных проблем, то ее друзьям это было совершенно невдомек. Их Шэннан была общи-

тельной, веселой, энергичной, талантливой и красивой. Для тех, кто близко знал ее подростком, самой главной, возможно, даже единственной ее проблемой было то, что с самого раннего возраста Шэннан чувствовала себя чужой в семье и обузой собственной матери.

Год выступления восьмиклассницы Шэннан в «Энни» должен был ознаменовать ее торжественным возвращением в семью. Мэри и органы опеки согласовали возможность ее возвращения домой, и на этот раз она продержалась в кругу родных дольше, чем прежде. Как оказалось, это был единственный год ее полноценной жизни с матерью и сестрами в подростковом возрасте. Шерри рассказывала, что проблемы начались, когда ничего не зная об эпизодах насилия Шэннан попыталась выступить в роли примирительницы бойфренда Мэри и сестер и получила отпор с обеих сторон. Это сильно расстроило Шэннан. Она решила, что слишком долго отсутствовала и дома больше не чувствуют ее родным человеком. Знала бы она, как они ей завидовали! Будь у них возможность не жить в этом доме – их счастью не было бы предела. Шерри, боясь высказаться напрямую, намекнула старшей сестре, что ей лучше бы держаться от этого дома подальше. Но Шэннан стояла на своем: «Тебе этого не понять. Я *хочу* жить здесь. Именно *здесь*».

Но по окончании восьмого класса Шэннан стало очевидно, что она больше не может жить в своей семье. Органы опеки нашли ей приемную семью в Нью-Пэлтце, зажиточном городке в получасе езды от Элленвилла. Девочке понравилась приемная мать – довольно молодая женщина по имени Дженнифер Поттинджер, у нее появилась собственная комната, деньги на карманные расходы, да и школа тут была намного лучше прежней. К тому же Дженнифер поддерживала желание Шэннан как можно скорее стать самостоятельной и даже посоветовала ей углубиться в предметы, которые дают возможность получить аттестат на год раньше.

Вот теперь настал черед Мэри ощутить себя отвергнутой. Она злилась и ревновала дочь к новой семье и даже обвиняла Дженнифер в том, что та якобы заставляет Шэннан работать в принадлежащем ей детском саду. Ей не давала покоя мысль, что в доме Дженнифер Шэннан видит брендовые вещи, купленные явно не в бюджетных универмагах. «Она родилась с желанием иметь все самое лучшее, все то, что я при моих доходах не смогла бы ей дать. В ней было что-то, что заставляло ее хотеть красивой жизни», – говорила Мэри.

А Шэннан начала раскрываться как певица. Без ее выступления не проходило ни одного школьного вечера. Ее сильный, проникновенный голос буквально брал за душу всех ее друзей, а некоторых и вовсе доводил до слез. Впрочем, она не только исполняла чужие песни, но и сама писала музыку, а ее стихи были проникнуты духом страдания и боли:

*Перед каждым выходом из дома я надеваю доспехи
Но это же жизненная необходимость, не так ли?
Я с головой ухожу в этот момент и радуюсь ему.*

Притом что ее новая жизнь и новый дом разительно отличались от того, где и как она жила раньше, Шэннан большую часть вечеров проводила в Элленвилле. Сестры всегда радовались ее приходу, а вот реакция матери могла быть непредсказуемой. Мэри никогда не показывала того, что рада видеть девочку в родном доме, не баловала ее и вообще, казалось, не замечала, что старшая дочь пришла в гости. Но бывали моменты, когда она жестко вела себя по отношению к Шэннан и стремилась по возможности продемонстрировать власть. Так, однажды, когда Шэннан ввязалась в потасовку на вечеринке у своего приятеля, Мэри велела ей впредь не общаться с ним. В противном случае она пригрозила, что не пустит ее на порог.

Как это ни странно, но теперь, когда Шэннан стала совсем взрослой, Мэри решила вернуться в ее мир и отдавать дочери беспорядочные указания, видимо, чтобы напомнить всем, что она – ее мать и самый важный человек в жизни. Их конфликты неизменно заканчивались слезами Шэннан. А сквозь рыдания она повторяла: «Ты не растила меня. О сестрах ты забо-

тилась, а обо мне совсем не думала». При этих словах Мэри застывала. Она не спорила. Она просто разворачивалась и уходила.

После окончания школы Шэннан уехала к бабушке в штат Нью-Йорк, где поступила на курсы медсестер при филиале Нью-йоркского университета. Она успела поработать в гостинице, ресторане и доме престарелых, и в конце концов устроилась секретарем в школу. Но не прошло и года, как она бросила учебу и уволилась из школы, сказав, что все это ей наскучило. И от бабушки Шэннан съехала, после того как получила выговор за слишком поздние возвращения домой. Родным она заявила, что чувствует, как медленно превращается в курицу. Еще совсем немного, и она выйдет замуж за «хорошего парня», нарожает кучу ребятишек, обзаведется хозяйством, и на этом все, прощай, настоящая жизнь! А у нее есть более амбициозные планы. Шэннан планировала ходить на прослушивания, чтобы стать певицей и сделать все возможное, чтобы заработать денег. Она построит жизнь, о которой ее сестры и мать могут только мечтать. У нее будет все самое лучшее. И она станет их благодетельницей. А они будут ей благодарны. И наконец-то полюбят ее.

Меган

«Веселые ролики» расположились в неприметном одноэтажном здании у грунтовой дороги в промышленной зоне Портленда, штат Мэн. На протяжении десятилетий этот роллер-дром был беспроектным вариантом отдыха по выходным для портлендских рабочих семей, в том числе и скромных обитателей района Конгресс-стрит, в котором жила Меган Уотерман.

Время тут будто остановилось: интерьер, музыка, которая гремит из старых динамиков, и даже цены не меняются вот уже двадцать лет.

Самым популярным мероприятием в «Веселых роликах» является «Катание ночь напролет», которое проводится ежемесячно и стоит двенадцать долларов. Родители всего города, а особенно небогатые семьи с ограниченным бюджетом знают, что они могут спокойно оставить своих детишек тут в восемь вечера и забрать в шесть утра, получив тем самым желанную ночь отдыха. Да и для мальчишек и девчонок эта ночь была в радость, и они с нетерпением ждали первого воскресенья месяца, чтобы погонять и побеситься вдали от родителей. Меган тоже старалась не пропускать «Катание ночь напролет». Круглолицая и задорная светловолосая девочка отрывалась по полной на роликах и подпевала исполнителям, песни которых звучали на роллердроме. И ей было ровным счетом наплевать, что подумают о ней окружающие. Главное, что ей хорошо! А многие ее ровесники и впрямь поглядывали на раскованную и веселую девчонку с завистью. И лишь очень немногим было известно, что мать Меган, Лоррейн, лишила родительских прав, когда девочка была еще младенцем. Ее растила бабушка.

Одной из причин популярности «Веселых роликов» – по крайней мере, среди родителей – было то, что здесь были категорически запрещены конфликты и драки. Попавшихся на этом дважды вносили в черный список заведения, а значит, они немедленно отправлялись домой. На повторное нарушение правил лишают права посещения на месяц, а если бузотер не успокоится, то можно навсегда забыть дорогу в «Веселые ролики». И при этом совершенно не имело значения, кто именно затеял стычку. Имя Меган не раз заносилось в эти списки. Проблемы возникали на пустом месте, обычно из-за каких-нибудь подростковых драм: «А мне вот не нравятся твои фиолетовые волосы» или «Мне не нравится, как ты смотришь на моего друга». Тем не менее сотрудники питали к Меган некоторую слабость. Они поражались ее умению мгновенно менять гнев на милость и взглядом очаровательных карих глаз заставлять прощать ей любые выходки. И они всегда с теплотой вспоминали ее бабулю Мюриел, которая горой вставала на защиту внучки от обвинений в плохом поведении, оспаривая любые попытки лишить ее права посещения как заправский адвокат. И хотя администраторам и в голову не приходило делать исключения из правил, глядя на кипящую от негодования Меган, они думали: «Ну кому из детей не случается набедокурить?» И все считали, что ей повезло с бабулей, которая не жалеет сил ради внучки.

Мюриел Беннер растила своих шестерых детей в основном одна. Несмотря на такое количество детей, пухленькая, смуглая и озорная Мюриел находила время развлекаться как только возможно. Дети запомнили бесконечную вереницу сменявших друг друга мужчин и многочисленные бутылки с остатками выпивки, к которым можно было приложиться на следующий день. Старшей из детей – Лоррейн – больше всего нравился кофейный ликер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.